

УДК 903.5

DOI: 10.17223/19988613/69/3

Н.С. Ефремова

КУЛЬТЫ УМЕРШИХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40028
«Модели иррациональной деятельности населения юга Западной Сибири в голоцене».*

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются особенности погребальных ритуалов археологических культур, существовавших на территории Барабинской лесостепи в эпоху бронзы. Присутствие в погребальных обрядах схожих элементов может свидетельствовать и о сходстве отдельных аспектов мировоззрения у представителей различных культур рассматриваемого региона. Исследование крупных разновременных некрополей позволило проследить как традиционность, так и вариативность обрядовой деятельности в рамках одной культурной общности.

Ключевые слова: могильник; погребальный обряд; мировоззрение; ритуал.

Изучение археологических памятников, связанных с погребально-поминальной обрядностью, позволяет получить комплексные сведения о жизни человека в древности. Артефакты, помещаемые в захоронения в качестве сопроводительного инвентаря, с одной стороны, свидетельствуют об уровне развития материальной культуры и приоритетах в хозяйственном укладе, с другой – могут обладать определенными коннотациями, связанными с духовной культурой коллектива. Поскольку культ предков в различных вариантах зафиксирован практически повсеместно (его существование находит подтверждение как в археологических, так и в этнографических источниках), именно он мог представлять собой основу для преемственности базовых идеологических представлений при смене поколений. Процент трансформации и изменчивости погребальной практики является незначительным, так как именно неизменность связанных с предками традиций выступает гарантией дальнейшего существования и процветания коллектива.

Устойчивость и традиционность погребального обряда любого общества позволяют исследователю использовать последний в качестве культуродиагностического маркера. Погребальные памятники дают возможность выйти на реконструкцию идеологических представлений древних народов, причем уникальными для изучения являются длительно существовавшие разновременные могильники, включающие захоронения различных культур. Материалы подобных объектов позволяют выявить признаки взаимопроникновения и взаимовлияния различных погребальных ритуалов, проследить динамику связанных с погребальной обрядностью мировоззренческих традиций.

Территория Обь-Иртышского междуречья, где расположена Барабинская лесостепь, во все эпохи пред-

ставляла интерес как для аборигенного, так и для пришлого населения [1. С. 10]. Климатические изменения обеспечивали подвижность границ ландшафтных зон: в более влажные периоды и лесостепь, и таежная зона смещались к югу, обуславливая разнообразие направлений хозяйственной деятельности, а также векторы периодических миграций. В целом природно-климатические условия рассматриваемого региона являлись благоприятными для жизнедеятельности человека [2. С. 55–56]. Сложность имевших здесь место этнокультурных процессов отражают обнаруженные на площади Барабы некрополи, в том числе и крупные, в течение последних десятилетий исследуемые академиком В.И. Молодиным. Наиболее интересными и информативными в свете рассматриваемой проблемы являются памятники Сопка-2, Тартас-1, Усть-Тартас-2 и др.

Самые ранние, отнесенные к *неолиту*, погребения отмечены на памятниках Усть-Тартас-2, Венгерово-2А, Сопка-2/1 и др. Захоронение совершалось по обряду трупоположения, в узкой могильной яме с неровным дном. Отличительной особенностью ритуала, выявленной по материалам могильников этой эпохи, можно считать наличие каменных и костяных орудий, причем каменные топоры, помещенные под голову погребенного, расцениваются исследователями как традиционная черта погребальной практики; аналогичная деталь обряда была отмечена также в погребении могильника Корчуган-1 на севере Барабинской лесостепи [3. С. 364]. Захоронения *усть-тартасской культуры*, датирующиеся IV – первой половиной III тыс. до н.э., имели место на памятниках Сопка-2/3, 3А; Крючное-6, Гришкина Заимка, Тартас-1, Усть-Тартас-2 и отличались неординарным погребальным обрядом. Некрополи были разных размеров – от небольших до крупных, существовавших длительное

время. Захоронения сопровождали земляные сооружения с системой ям и ровов. Наряду с индивидуальными могилами отмечены коллективные погребения, насчитывавшие более 30 особей и формировавшиеся по принципу склепов. Имели место вторичные захоронения, следы расчленения либо помещения в емкость, воздействия огня. Так, в захоронении могильника Усть-Тартас-2 поверх скелета мужчины располагался скелет женщины с отсеченными кистями рук. Здесь же обнаружен череп женщины, помещенный среди костей ног первых двух погребенных. Сопроводительный инвентарь отличался архаичностью, что могло быть обусловлено устойчивостью традиций, берущих начало в местных археологических культурах каменного века. Усть-тартасский погребальный обряд обнаруживает аналогии как в близлежащих регионах (в низовьях р. Тара, в среднем Приобье), так и на значительном удалении от ареала – в материалах самарской энеолитической культуры, Хвалынского энеолитического могильника и ряде других [3. С. 365; 4. С. 182–183].

На памятнике Усть-Тартас-2 погребение рассматриваемой культуры было перерезано одиновским захоронением [5. С. 294]. Для погребений *одиновской* культуры, выявленных на памятниках Тартас-1, Сопка-2/4А, Преображенка-6 и др., характерно трупоположение на спине, с ориентацией умершего головой на СВ. Могилы располагались рядами либо группами. Отмечены захоронения с приподнятой верхней частью погребенного, ярусные могилы. Сосуды помещались как непосредственно в погребения (редко), так и в специальные ямы. В области кистей погребенных имели место острые колющие орудия – проколки и шилья из кости и бронзы, встречались яркие индивидуальные находки [6; 7. С. 12].

Погребальный обряд *кратовской* культуры, прослеженный на могильниках Сопка-2/4, Абрамово-11, отличался несовпадением курганных насыпей с захоронениями либо отсутствием первых. Погребенный помещался в могилу чаще в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Могила могла иметь подбой. Встречались коллективные и ярусные, а также вторичные захоронения. Отмечено использование охры. Сопроводительный инвентарь – керамический, каменный, костяной, бронзовый и т.д. – неординарен и разнообразен. Рядом с погребениями иногда фиксировались ямы – пустые либо содержавшие керамику, встречены также захоронения животных. Отдельные находки – помещенные в могилы литейные формы и бронзовые изделия – свидетельствовали о существовании развитого бронзолитейного производства [1. С. 58–70, 75–84; 8].

Отличался разнообразием и погребальный обряд *андоновской* (федоровской) культуры эпохи развитой бронзы, наиболее полно исследованный на могильнике Тартас-1. Захоронения осуществлялись по обряду как трупоположения (скорченно, на боку), так и кремации, имели место биритуальные погребения. Индивидуальные захоронения, локализованные преимущественно в южной части некрополя, по мере распространения могильника в северном направлении заменяются достаточно крупными погребально-поминальными комплексами, в составе которых появляются рвы и объемные риту-

альные ямы [9]. Ров (как правило, разомкнутый) окружает могильную яму, помещенную в центральную часть локализованного сакрального пространства. В отличие от погребальных памятников федоровской культуры Южного Зауралья, где надмогильные и внутримогильные сооружения могли включать каменную оградку или ящик [10. С. 91], в захоронениях андроновской (федоровской) культуры Барабинской лесостепи не прослежено следов каменных подкурганых сооружений, что можно объяснить как отсутствием выходов камня в регионе, так и трансформацией данного аспекта погребальной обрядности в соответствии с природно-географическими условиями: возможно, для надмогильных сооружений использовался иной, не сохранившийся до настоящего времени материал.

Вероятно, локализация захоронения под курганной насыпью визуально определялась достаточно четко, поскольку большой процент погребений рассматриваемой культуры содержит следы ограбления в древности в виде фиксируемого на уровне материка пятна грабительской ямы, часто перерезающего стенку погребения. В ряде случаев расположенные в беспорядке в могильной яме части скелета погребенного залегают в сочленении, что свидетельствует о продолжавшемся процессе разложения мягких тканей умершего, тем не менее еще не завершено: проникновение в погребение происходило через относительно небольшой период, следовавший за захоронением.

В свете рассматриваемой проблемы небезынтересными представляются несколько аспектов. Одним из них является фиксируемая на значительной площади распространения андроновской (федоровской) культурной общности биритуальность погребального обряда: кремация и ингумация могут наблюдаться на одном некрополе и даже в одном захоронении. Учитывая, что погребальная обрядность в рамках ареала культуры достаточно однородна, предполагается существование возможных различий в мировоззренческой системе андроновских коллективов. У общин, хоронивших умерших по обряду кремации, вероятно, важную роль в идеологических представлениях играл огонь. Этот культ прослеживается и в погребальном обряде в форме ингумации, однако в последнем случае его место в ритуальных действиях не настолько значительно [11. С. 62]. Проявления данного культа (кремация в захоронении, золистые включения в заполнении могилы, участки прокаленной почвы в непосредственной близости от нее и др.) могли быть остатками «совершенно различных обрядовых действий, совершавшихся в разное время и по разным причинам» [12. С. 88].

О неоднозначном отношении к огню свидетельствуют и материалы погребальных памятников *ирменской* культуры. К следам огненных ритуалов относят кострища в виде прокалов и древесного угля в насыпях курганов, а также погребения по обряду трупобожжения и кремации на стороне; последняя восходит к погребальной традиции андроновской культуры [13. С. 105, 108]. Обряд захоронения включал погребение под небольшой курганной насыпью, как правило, выше материка; имели место первичные и вторичные захоронения. Погребенный помещался в могилу

в скорченном положении на правом боку, головой на юг. В погребении отмечались каменные или деревянные обкладки и перекрытия [1. С. 137].

В отличие от территории Новосибирского Приобья, Барабинской лесостепи и Кузнецкой котловины, в Барнаульском Приобье преобладают захоронения ирменской культуры, совершенные по обряду ингумации, процент кремаций не высок, и, как правило, сожжение выполнялось на стороне [14. С. 123]. На рассматриваемой территории сакральное пространство могло быть обозначено ровиком или ямами, в насыпи курганов и в самих погребениях имели место ритуально-жертвенные комплексы (кости животных, керамические сосуды, участки прокаленной почвы) [15. С. 16–17, 19].

В Барабинской лесостепи уникальный культовый комплекс ирменской культуры исследован В.И. Молодиным на памятнике Сопка-2. Он представлял собой разомкнутый ровик, ограничивающий сакральную площадь диаметром около 10 м, где были расположены две ямы, первая из них содержала клубни неокультурных растений, вторая – остатки длинных костей человека очень плохой сохранности; в самом ровике обнаружен ирменский керамический сосуд. На площади культового комплекса отмечено более шестидесяти небольших округлых ям, вероятно, представлявших собой следы каркасно-столбовой конструкции. Совокупность полученных материалов позволила интерпретировать данное сооружение именно как культовое и отнести к погребальным ритуалам, связанным с культом предков, существование которого уже отмечалось у носителей ирменской культуры [16].

Существование культовых объектов, приуроченных к некрополям, фиксируется и на памятнике Тартас-1, расположенном вблизи описанного выше могильника Сопка-2. Здесь отмечены захоронения восточного варианта *пахомовской* культуры, сопровождающиеся ритуальными комплексами, культовая деятельность на которых включала металлургические процессы и обряды жертвоприношения. На памятнике выявлено два типа захоронений: ряд безынвентарных погребений, расположенных в непосредственной близости от однокультурных ритуальных объектов, и захоронения, окруженные разомкнутыми ровиками, не имевшие внешних рельефных признаков в силу систематической распушки площади памятника. Культовые комплексы насчитывали как минимум пять объектов, часть которых, судя по большому количеству столбовых ямок, имела каркасно-столбовую конструкцию. На площади комплексов зафиксирован массовый материал в виде фрагментов керамики и костей животных (в том числе и в жертвенных ямах), единичные бронзовые изделия (наконечники копий, кельты), сплески бронзы, фрагменты тиглей и литейных форм, отмечены участки прокаленной почвы. Кроме того, имели место объемные ямы-печи и две жертвенные ямы, содержавшие неординарный набор прикладов

(в том числе фрагмент черепа лося со стесанными рогами, челюсти копытных, кости рыбы и др.). Отнесению данных объектов к категории культовых способствовало и присутствие здесь антропологических материалов (пяточной кости, фрагмента таза, резца человека), обнаруженных среди остеологических остатков [17, 18].

Параллели погребальным обрядам древнего населения Барабинской лесостепи и элементам отправлявшихся здесь культов в разные эпохи обнаруживаются на западе и северо- и юго-западе, а также в таежной зоне; вектор же совпадает с миграционными процессами, имевшими место на территории Барабинской лесостепи. Биритуальные и синкретичные захоронения могут олицетворять постепенную трансформацию обрядовой деятельности, когда в состав культа включались как традиционные, так и привнесенные элементы, этим же подчеркивается мирный характер данного процесса.

Основой идеологических представлений, по-видимому, являлись культы предков. В традиционном обществе умершие члены коллектива по-прежнему принадлежали роду, составляя с ним своеобразную сакральную общину. Существовала необходимость постоянной связи с потусторонним миром, поскольку, согласно культу, именно предки могли обеспечить благоденствие родового коллектива [19. С. 334]. Обилие керамического материала, помимо свидетельства о сопроводительной пище, может говорить об отправлении обрядов жертвоприношений – предкам или высшим силам. Существование на некрополях культовых комплексов и зафиксированные на них следы принесения в жертву человека говорят о степени значимости для социума представлений о потустороннем мире. Присутствие ценных в обществе предметов – орудий, оружия и украшений – является не только критерием социального статуса, но и свидетельством веры в загробную жизнь; также возможны неоднозначные коннотации у отдельных артефактов (обзор вещевого материала, связанного с погребальной обрядностью, является темой отдельной объемной статьи, поэтому вещевой комплекс здесь подробно не анализируется).

Появление обрядов кремации, возможно, указывает на растущую роль огня как элемента очищения или посредника в обрядах перехода. Появление ровов в ритуале говорит о возникшей необходимости локализации сакрального пространства и четкого отделения мира живых от мира мертвых, где ров мог выполнять как ограничительную, так и защитную функцию. Большое значение, по-видимому, имеет факт наличия на памятниках нарушенных погребений, где процесс разрушения связан не только с ограблением могилы, но и с определенными иррациональными взглядами.

Таким образом, обзор погребальных обрядов археологических культур Барабы позволяет предположить наличие у существовавших здесь древних этносов достаточно сложных идеологических представлений, связанных с потусторонним миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
2. Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII века до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 54–63.

3. Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 363–367.
4. Молодин В.И. Устьтартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 180–184.
5. Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней–развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 293–298.
6. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
7. Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 9–13.
8. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 452 с.
9. Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 358–362.
10. Алаева И.П. Вариативность погребального обряда федоровской культуры Южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. С. 89–92.
11. Бобров В.В. Биритуализм андроновского погребального обряда – нетрадиционная форма развития культуры // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 60–63.
12. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе : Илим, 1986. 135 с.
13. Ковалевский С.А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 105–110.
14. Тырышкина Ю.Ю. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. С. 122–124.
15. Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово : Изд-во КРИПКиПРО, 2006. 111 с.
16. Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. С. 71–77.
17. Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 231–236.
18. Ефремова Н.С., Молодин В.И., Дураков И.А., Васильев С.К., Селин Д.В. Животные в обрядовой практике носителей восточного варианта пахомовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 381–387.
19. Бессмертная О.Ю., Рябинин А.П. Предки // Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 333–335.

Natalya S. Efremova, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ens77@mail.ru

CULTS OF THE DEAD IN ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE BARABA FOREST-STEPPE: SPATIAL AND CHRONOLOGICAL DYNAMICS

Keywords: burial ground; funeral rite; worldview; ritual.

The article examines features of the burial rituals of archaeological cultures that existed on the territory of the Baraba forest-steppe in the Bronze Age. The study of large necropolises of different times made it possible to trace the traditionality and variability of ritual activities within the framework of a cultural community.

In the course of the research, we analyzed the materials of the autochthonous Neolithic, Ust-Tartas, Odinoovo, Krotov, Andronovo, Irmen and Pakhomovo archaeological cultures. Similar elements in burial rites may indicate the similarity of certain aspects of the worldview among representatives of different cultures of the region which we are considering. Biritual and syncretic burials could personify a gradual transformation of ritual activity, when traditional and introduced elements were included in the cult. This testifies to the peaceful nature of the process. Ancestor cults were probably the basis of ideological concepts. The ceramic material, in addition to evidence of accompanying food, could indicate the performance of rites of sacrifice – to ancestors or higher powers. The existence of cult complexes on the necropolises and the traces of human sacrifice recorded on them indicate the degree of significance for society of ideas about the other world. The presence of tools, weapons and ornaments is a criterion of social status and evidence of belief in an afterlife, as well as, possibly, of the ambiguous connotations of certain artifacts. The emergence of cremation rites may indicate the growing role of fire as an element of purification or as a mediator in rites of passage. The appearance of ditches in the ritual indicates the need to localize the sacred space and clearly separate the world of the living from the world of the dead, where the ditch could perform both a restrictive and a protective function. The fact that monuments have disturbed burials, where the process of destruction is associated not only with grave robbing, but also with certain irrational views, seems to be of great importance.

Thus, a review of the burial rites of the archaeological cultures of Baraba suggests the presence of complex ideological concepts associated with the other world among the ethnic groups who lived here. Similar features of the funeral rite that took place among the carriers of successive cultures here indicate the possible continuity of the most important aspects of the worldview for society and the transformation of funeral cults in accordance with the vector of ethno-cultural processes that took place here.

REFERENCES

1. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
2. Molodin, V.I. (2014) Ethnic and Cultural Mosaic in Western Baraba During the Late Bronze to Iron Age Transition (14th–8th centuries BC). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(60). pp. 54–63. (In Russian).

3. Molodin, V.I., Kobeleva, L.S., Durakov, I.A., Raynkhold, S., Nenakhova, Yu.N., Borzykh, K.A. & Shvetsova, E.S. (2017) Mogil'nik Ust'-Tartas-2 – novyy pogrebal'nyy kompleks epokhi neolita, ranney i razvitoy bronzy v Barabinskoy lesostepi [Ust-Tartas-2 Burial Ground - New Neolithic, Early and Middle Bronze age burial complex in the Baraba Forest-Steppe Region]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 23. Novosibirsk: SB RAS. pp. 363–367.
4. Molodin, V.I. (2005) Ust'tartasskaya kul'tura [The Usttartas culture]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Historical and Cultural Development of Ancient and Traditional Societies of Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 180–184.
5. Molodin, V.I., Kobeleva, L.S., Raynkhold, S., Nenakhova, Yu.N., Efremova, N.S., Durakov, I.A., Mylnikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2018) Stratigrafiya pogrebal'nykh kompleksov ranney–razvitoy bronzy na pamyatnike Ust'-Tartas-2 [Stratigraphy of the Early - Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 24. Novosibirsk: SB RAS. pp. 293–298.
6. Molodin, V.I. (2012) Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury [Monument Sopka-2 on the Om River. A cultural-chronological analysis of burial complexes of the Odino culture]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.
7. Molodin, V.I. (2008) Odinskaya kul'tura v Vostochnom Zaurale i Zapadnoy Sibiri. Problema vydeleniya [The Odino culture in the Eastern Trans-Urals and Western Siberia. The problem of identification]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Rossiia mezdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya* [Russia Between the Past and the Future: History of National Development]. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 9–13.
8. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2016) Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury [Monument Sopka-2 on the Om River. A cultural-chronological analysis of burial complexes of the Krotovo culture]. Vol. 4. Novosibirsk: SB RAS.
9. Molodin, V.I., Durakov, I.A., Nenakhov, D.A., Raynkhold, S., Efremova, N.S., Selin, D.V., Nesterova, M.S., Nenakhova, Yu.N., Khansen, S., Mylnikova, L.N. & Kobeleva, L.S. (2017) Sistema organizatsii sakral'nogo prostranstva v pogrebal'nykh kompleksakh andronovskogo (fedorovskogo) naseleniya Barabinskoy lesostepi. Pamyatnik Tartas-1 [System of Organizing the Sacred Space in the Burial Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Population in the Baraba Forest-Steppe Region. The site of Tartas-1]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 23. Novosibirsk: SB RAS. pp. 358–362.
10. Alaeva, I.P. (2018) Variativnost' pogrebal'nogo obryada fedorovskoy kul'tury Yuzhnogo Zaurala [Variation of the funeral rite of the Fedorov culture of the South Trans-Urals]. In: Vybornov, A.A. (ed.) *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* [The 21st Ural Archaeological Meeting]. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University. pp. 89–92.
11. Bobrov, V.V. (2005) Biritualizm andronovskogo pogrebal'nogo obryada – netraditsionnaya forma razvitiya kul'tury [Biritualism of the Andronovo funeral rite - an unconventional form of cultural development]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Historical and Cultural Development of Ancient and Traditional Societies of Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 60–63.
12. Kuzmina, E.E. (1986) *Drevnyshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya* [The Most Ancient Cattle Breeders from the Urals to the Tien Shan]. Frunze: Ilim.
13. Kovalevsky, S.A. (2010) Role of fire in funeral ceremonies of the population of Irmenskaya cultural and historical community in the South-Western Siberia. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4–2(68). pp. 105–110. (In Russian).
14. Tyryshkina, Yu.Yu. (2008) Pogrebal'nyy obryad irmenskogo naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya [A burial rite of the Irmen population of the Barnaul Ob Region]. In: Shamshin, A.B. (ed.) *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethno-cultural Processes in the Upper Ob and Neighboring Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 122–124.
15. Kovalevsky, S.A. (2006) Pogrebal'no-pominal'nye pamyatniki irmenskoy kul'tury na territorii Kuznetskoy kotloviny [Funeral and memorial monuments of the Irmen culture on the territory of the Kuznetsk depression]. Kemerovo: KRIPKiPRO.
16. Molodin, V.I. & Efremova, N.S. (2015) Ritual'nyy kompleks irmenskoy kul'tury: semanticheskie rekonstruktsii (po materialam mogil'nika Sopka-2) [A ritual complex of the Irmen culture: semantic reconstructions (a case study of Sopka-2 burial ground)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh* [Archaeological Research in Western Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 71–77.
17. Molodin, V.I., Nagler, A., Khansen, S., Durakov, I.A. et al. (2012) Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoy kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyskaya lesostep') [Ritual complexes of the eastern area of the Pakhomov culture at the Tartas-1 monument (Ob-Irtys forest-steppe)]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 18. Novosibirsk: SB RAS. pp. 231–236.
18. Efremova, N.S., Molodin, V.I., Durakov, I.A., Vasiliev, S.K. & Selin, D.V. (2019) Zhivotnye v obryadovoy praktike nositeley vostochnogo varianta pakhomovskoy kul'tury [Animals in the ritual practice of the bearers of the eastern version of the Pakhomov culture]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 25. Novosibirsk: SB RAS. pp. 381–387.
19. Bessmertnaya, O.Yu. & Ryabinin, A.P. (1982) Predki [Ancestors]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow : Sov. entsiklopediya. pp. 333–335.